

ОТХОД ЧАСТЕЙ 110-Й ОККД ПОСЛЕ БОЕВ НА ДОНУ В ИЮЛЕ 1942 г.

Заярный С.А.¹, Очиров У. Б.²

¹ независимый исследователь (г. Москва)

E-mail: zajarnyj@mail.ru

² доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена анализу и разоблачению мифа о том, что в боях с превосходящими силами противника 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия якобы «проявила неустойчивость и разбежалась». Доказывается, что национальное соединение в течение нескольких дней упорно сражалось с превосходящими силами противника (моторизованными дивизиями «Великая Германия» и 16-й с артиллерийскими и саперными частями усиления 1-й танковой армии), а затем по приказу командования отошла. В ходе отступления, из-за взаимоисключающих приказов фронтового командования в быстроменяющейся обстановке от 110-й дивизии отделились несколько групп, которые вошли в состав других соединений. Сама дивизия после выхода к Моздоку продолжила вести боевые действия. Приводятся расчеты количества потерь и отсоединившихся групп, которые показывают, что численность одиночных бойцов, оставших от своего соединения и принявших решение вернуться домой, ничтожна мала.

Ключевые слова: Красная армия, кавалерия, национальные части, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. являлась и является поныне одной из наиболее активно изучаемых тем в советской и российской историографии. Тем не менее, в ее истории сложилось огромное количество разного рода мифов, искажающих или неправильно отражающих истинный ход событий. Одним из таких мифов, с которым авторы статьи и их коллеги борются много лет, является утверждение о том, что 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее – ОККД) «проявила неустойчивость», «ушла в банды», а то и вовсе «ушла к немцам».

Данный миф зародился почти сразу после отхода 110-й ОККД с Дона. Источник его происхождения указан в письмах первого секретаря Калмыцкого обкома П.В. Лаврентьева и председателя Совнаркома Калмыц-

кой АССР Н.Л. Гаряева, которые с возмущением писали об этом заместителю наркома обороны Е.А. Щаденко и другим руководящим лицам наркомата обороны: «Между тем с 110 К.Д. в сентябре–октябре месяцах распространились различные провокационные разговоры, якобы дивизия разбрелась и занимается бандитизмом. Например, штаб 51-й армии официально сообщил Военному совету Северной группы Закавказья о том, что будто бы полковник Хомутников с личным составом около 2000 человек ушел в неизвестное направление в банду. Чем руководствуется штаб 51-й армии нам неизвестно» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 132].

Среди бумаг Нальджи Гаряева, хранящихся в НАРК, есть и черновые варианты этого письма, который автор неоднократно и кардинально переделывал, вычеркивая или дописывая своей рукой целые абзацы или даже страницы. В одном из них после слов «нам неизвестно» было дописано: «Видимо штаб этой армии сообщил об этом Наркомату обороны, так как 9.10.1942 года из Наркомата обороны по телефону просили у командующего 28 армии генерал-лейтенанта Герасименко по тому же вопросу» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 139]. Таким образом, по мнению П.В. Лаврентьева и Н.Л. Гаряева источником этого мифа стал штаб 51-й армии, в состав которой 110-я ОККД входила с 12 июня по 23 июля 1942 г. Основой слухов стали немецкие листовки, обильно сбрасываемые на потерявшие управление войска бывшего Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов, бегущие к Сталинграду и предгорьям Кавказа.

В черновиках писем П.В. Лаврентьева и Н.Л. Гаряева подчеркивается, что после распространения слухов о «разбежавшейся» 110-й кавдивизии, отношение военного командования к калмыкам заметно ухудшилось, появилось недоверие к ним, проявляемое по национальному признаку. А при выселении населения из 25-километровой прифронтовой полосы 28-й армии, несмотря на предварительные договоренности от 15 октября о начале операции только после обмолота и вывоза убранного хлеба и вывозе всего населения к 10 ноября, в Юстинском улусе выселение произошло 20 октября 1942 г., причем вывезли только калмыков, оставив представителей других национальностей на месте [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 120, 129].

В.Б. Убушаев в одной из работ о депортации калмыков, ссылаясь на слова В.М. Молотова, сказанные ему в личной беседе в 1974 г., указал в качестве источников мифа о «разбежавшейся» 110-й ОККД «донесения командования 37-ой и 51-ой армий» [Убушаев 2007: 152]. Мало того, по мнению В.Б. Убушаева, именно заявление на заседании Государственного комитета обороны (далее – ГКО) Г.К. Жукова о том, что 110-я кавдивизия «разбежалась», со ссылкой на донесения вышеуказанных объединений, имело ключевое значение при принятии решения о высылке всего калмыцкого народа на спецпоселение [Убушаев 2007: 152–153].

В другой работе В.Б. Убушаев привел фрагмент воспоминаний управляющего делами Совнаркома Калмыцкой АССР С.-Г.М. Манджиева. Накануне депортации (начавшейся в ночь с 27 на 28 декабря), вечером 27 декабря 1943 г. в кабинете первого секретаря Калмыцкого обкома был собран «руководящий партийно-советский состав республики», на котором генерал И.А. Серов сообщил о высылке всего калмыцкого народа. Заместитель председателя Совнаркома Калмыцкого АССР Д. Гахаев задал вопрос о причинах депортации калмыцкого народа «в целом». Комиссар госбезопасности 2-го ранга и зам. наркома НКВД СССР очевидно знал, что количество бандитов и «бандпроявлений» в Калмыкии было в десятки раз меньше, чем в других регионах, поэтому повторять слова Указа о бандитизме и прочих «грехах», переписанного под копирку из другого аналогичного акта, он постеснялся и дал ответ, исходя из собственной информированности (с этого места фрагмент процитирую полностью. – У.О.). «На этот вопрос, помню, Серов сказал: «Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам». Затем, некоторое время помолчав, вдруг сказал, махнув рукой: «И этот ваш Городовиков». Совершенно было непонятно, что он имел под этим ввиду» [цит. по: Убушаев 1991: 18–19].

Таким образом, вопрос чисто военного характера о то ли «разбежавшейся», то ли уже «ушедшей к немцам» дивизии приобрел уже важнейшее политическое значение. В июле 1944 г. начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга А.М. Леонтьев подал многостраничную справку о борьбе с бандитизмом за три года войны. Фрагмент, посвященный Калмыкии, он также начал со 110-й ОККД. «Находившаяся на фронте в районе Ростова-на-Дону 110 калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство. Дезертиры группами, в некоторых случаях со своими командирами, возвращались домой и среди населения распускали всевозможные пораженческие слухи. С приближением фронта к Калмыкии... из дезертиров 110-й дивизии они создали крупные банды, которые своими действиями сорвали эвакуацию скота из Калмыкии... немецкое командование сформировало из бандитско-дезертирского элемента калмыцкий кавалерийский легион, состоящий из 14 эскадронов» [НКВД–МВД 2008: 525]. Из этого следует, что 110-я ОККД не просто разбежалась, а еще и послужила основой для коллаборационистского формирования.

Исходя из вышеизложенного, миф о «разбежавшейся» 110-й ОККД – это уже не просто частный военный эпизод, а важнейшее событие, имевшее далеко идущие последствия для всего калмыцкого народа и для советской национальной политики в целом. Поэтому разберем процесс отступления 110-й ОККД после боев на Дону подробно.

В начале несколько слов о самой дивизии. 110-я ОККД – это национальное кавалерийское соединение, созданное по Постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. в числе 20 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад в ряде союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья.

К национальным соединениям у командования Красной армии к тому времени уже сложилось достаточно скептическое отношение. Значительная часть призывников, особенно из числа ранее не служивших, плохо владела или не владела вовсе русским языком, команды командиров и лекции политруков понимала плохо. Еще большие проблемы возникали, когда в соединении оказывались большие группы представителей нескольких национальностей, говорящих на неродственных языках. В одном из таких случаев Кавказский фронт был вынужден произвести «частичную взаимную переброску по национальному признаку с охватом до 3 600 человек» [Битва 2016: 229].

При формировании национальных кавдивизий в ноябре 1941 г. этот фактор был учтен. К личному составу этих соединений предъявлялись достаточно жесткие требования: партийно-комсомольская прослойка должна была достигать 25 %, возраст бойцов – не более 40 лет, а в строевых частях – не более 35 лет, «отбор личного состава произвести особо тщательно, дивизии комплектовать исключительно проверенными стойкими и преданными Советской власти гражданами» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21]. Пунктом 2 Постановления ГКО № 894сс предписывалось: «Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими» [Постановление]. Это позволяло преодолеть языковой барьер между командным и рядовым составом, что создавало условия для более эффективного управления национальными частями и соединениями. Для национальных соединений офицеров-калмыков искали по всем фронтам: полковник В.А. Хомутников, подполковник Б.Б. Городовиков (он партизанил в немецком тылу и вовремя найти его не удалось), майоры М.Т. Бимбаев, М.С. Шарапов, капитаны (затем майоры) И.А. Теврюков, Л.Ц. Санджиев, капитан А.К. Темиров, батальонные комиссары С.Н. Гаряев и Н.Л. Иванов, военврач 3-го ранга О.В. Мергасов и др. В результате 110-я ОККД на 2/3 была укомплектована калмыками, большая часть остальных военнослужащих являлась их земляками и понимала калмыцкий язык и обычаи. В марте 1942 г. 110-я ОККД передала в запасную бригаду 1 тыс. своих бойцов из числа наиболее малообученных, а взамен отобрала из расформировываемой 111-й ОККД 1368 лучших воинов. К маю 1942 г. дивизия прошла полный курс обучения, хотя вооружение полностью было получено лишь накануне боев в июле 1942 г.

Таким образом, 110-ю кавдивизию можно классифицировать как укомплектованное и вооруженное по штату соединение, обученное (хотя

и необстрелянное), имевшее отборный личный состав, который хорошо знал своих командиров и доверял им. На 10 июля в ее составе числилось 4 579 человек личного состава и 4 825 лошадей [В годы 2003: 89].

Кавдивизия состояла из следующих частей и подразделений: управление (80 чел., здесь и далее цифры приведены согласно действующим на тот момент штатам); 273, 292, 311-й кавалерийские полки (по 1160 чел. в каждом); 99-й отд. конно-артиллерийский дивизион (497 чел.); 99-й артиллерийский парк (143 чел.); 81-й отд. полуэскадрон связи (53 чел.); 110-й отд. эскадрон химзащиты (64 чел., незадолго до начала боев был обращен на формирование заградэскадрона); 82-й продовольственный транспорт (56 чел.); 94-й медико-санитарный эскадрон (50 чел.); 374-й ветеринарный лазарет (25 чел.); военную прокуратуру (4 чел.а); особый отдел НКВД (16 чел.); взвод особого отдела НКВД (36 чел.); 360-я полевая почтовая станция, с апреля – ППС1925 (5 чел.); 1028-я полевая касса Госбанка (по штату – 3 чел.а).

В июле 1942 г. 110-я ОККД занимала оборону на участке шириной 58 км по берегу Дона от устья реки Сал до устья реки Маныч и защищала переправы в станицах Раздорской, Мелиховской и Багаевской. Такая ширина превышала уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий. Командование и 51-й, и 37-й армии понимало, что кавдивизия не предназначена для обороны на таком протяженном участке, и неоднократно пыталось заменить ее на стрелковые дивизии, отступавшие с северного берега Дона. Однако их состояние было таково (в трех дивизиях людей было почти вдвое меньше, чем в 110-й кд, и они совсем не имели артиллерии), что смена каждый раз откладывалась [Заярный 2016]. В результате кавалеристам пришлось занять очаговую оборону с большими промежутками между ними. На стороне советских войск было лишь широкое течение Дона, но для немецких дивизий с их мощным понтонно-мостовым парком это не было значительным препятствием.

Начиная с 16 июля люфтваффе подвергла сильным бомбардировкам позиции 110-й ОККД, особенно в районе Багаевской, где оборонялся 292-й кавполк. 18 июля разведотряд Калмыцкой дивизии принял свой первый бой, а с 21 июля бои закипели по всему фронту соединения. Противник 110-й ОККД достался крайне серьезный – моторизованная дивизия «Гроссдейчланд» («Великая Германия») – элитное и старейшее соединение вермахта, созданное на базе потсдамской гвардии и многократно отличившееся в ходе Второй мировой войны. Эта дивизия имела великолепный личный состав, отобранный из лучших солдат со всего рейха, хорошо обученный и имеющий богатейший боевой опыт, и сильное вооружение, включая танковый батальон и батальон штурмовых орудий. На завершающей стадии сражения «Гроссдейчланда» и 110-й ОККД немцы были усилены 16-й моторизованной дивизией (будущей «Виндхунд»).

После неудач в районе Багаевской и Мелиховской «Великая Германия» сконцентрировала свои усилия в районе Раздорской, где смогла захватить плацдарм и несколько дней расширяла его. 25 июля противник, который сумел переправить бронетехнику на южный берег Дона под прикрытием сильного артиллерийско-минометного огня, авиации и дымов, начал обходить позиции 110-й ОККД с правого фланга и сконцентрировал в ее тылу крупную группу танков. Эскадроны дивизии, сдерживающие наступление немцев в пойме реки Дон и разбросанные на огромном пространстве, получили приказ командования дивизии начать отход за Маныч. Так как движение немецкой бронетехники было возможно только по дорогам, одна из которых уже была захвачена немцами в тылу дивизии и оборонялась другими дивизиями 37-й армии, а другая проходила в полосе обороны дивизии через хутора Карповка, Ажинов, Кудинов, решено было максимально его задержать. Прикрытие отхода было поручено 292-му кавполку (без одного эскадрона), оборонявшему хутор Карповка, а конно-артиллерийский дивизион и специальные подразделения дивизии удерживали хутор Ажинов. Для руководства боем в Карповке в расположение 292-го кавполка прибыл зам. командира дивизии В.А. Хомутников, расстановку сил обороны хутора Ажинов осуществлял начальник штаба дивизии А.А. Раабь, общее руководство боем принял на себя комиссар дивизии С.Ф. Заярный. В ходе тяжелейшего боя 26 июля, продолжавшегося с раннего утра и до 17.00 у хуторов Ажинов и Карповка, ценой огромных потерь удалось задержать танковую группировку фашистов до выхода основных сил 110-й ОККД за Маныч [Заярный, рукопись].

Каковы же были потери 110-й ОККД во время боев на Дону 15–26 июля 1942 г., в ходе которых ряд подразделений были почти полностью уничтожены, как например, пулеметный эскадрон 292-го кавполка, прикрывавший его отход из Карповки. По оценке В.А. Хомутникова, выведшего основную часть соединения на Кавказ, дивизия в этих боях потеряла 600 чел. – убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 13380. Д. 55. Л. 122]. Иногда встречается вариант, где вместо 200 пропавших без вести указаны около 100 – пленными, 100 – утонувшими при переправе (т.е. всего потери составили 1,5 тыс. чел.). Зам. начальника политотдела 110-й ОККД Н.Л. Иванов оценил потери дивизии до отхода передовых подразделений на левый берег к исходу 22 июля так: «свыше 400 и получили ранения около 600 бойцов и командиров частей нашей дивизии», а в период с 23 по 26 июля «Наши потери составили убитыми до 600 человек, ранеными около 800 и пленными до 100 человек» [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 94. Л. 8–10]. То есть общие потери должны были составить более 1000 чел. – убитыми, 1400 – ранеными, 100 – пленными (т.е. всего 2,5 тыс. чел.). Судя по справке «Об укомплектованности боевых частей Донской оператив-

ной группы СКФ на 1 августа 1942 года», согласно которой 110-я ОККД имела 2 979 бойцов и командиров, сохранившими 2 061 винтовок, 9 полковых и дивизионных 76-мм пушек и 5 противотанковых 45-мм пушек [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740], ближе к действительности была оценка Хомутникова.

Бои на Дону были, действительно, очень тяжелыми и упорными, что подтверждают и немецкие источники. Например, в журнале боевых действий дивизии «Великая Германия» в сводке за период с 23 июля по 1 августа 1942 г. при оценке противника написано следующее: «В обороне установлены, в основном, подразделения 110 кд. В борьбе с пехотной дивизией «Великая Германия» по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь, о чем свидетельствуют до 1180 пленных, большие кровавые потери. Только в Ажинове было насчитано 200 вражеских трупов... Черкесы и калмыки сражались азартно и часто очень жестко. Они считают, что Германия хочет подчинить себе и лишить их народ самостоятельности. От немецкой пропаганды они все еще полностью независимы» [NARA, T315, roll 2282, 169, 172–173]. Недоумение вызывают утверждения о 1180 пленных, которые совершенно не вписываются ни в какие расчеты. Мало того, в документах 1-й танковой армии сообщается, что 26 июля в бою за Ажинов, Кудинов и Карповку было взято в плен до 100 бойцов [NARA, T313, roll 29, 524], что вполне коррелируется с оценками наших офицеров.

Разгадка цифры «1180 пленных» кроется, по всей видимости, в двух факторах. Во-первых, слово «калмыки» в сводке «Великой Германии» с 23 июля по 1 августа многократно употребляется со словом «черкесь». Однако никаких черкесов в 110-й ОККД не было. Их было много в составе 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии, находившейся от Раздорской в десятках километров на восток и разгромленной 29 июля в боях у Батлаевской и Большой Мартыновки в результате неожиданного наступления 3 и 23-й танковых дивизий. Мало того, наиболее многочисленной группой пленных (1365 чел.) в сводке «Великой Германии» указаны воины 156-й стрелковой дивизии, которые до конца июля находились за пределами полосы наступления «великогерманцев». Очевидно, что они, при отходе отрезанные от переправ через Маныч, попали в плен, когда немцы занимались зачисткой тылов донской поймы между Салом и Манычем. Точно так же в плен к «Великой Германии» могли попасть и воины 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии, которые в сводке оказались учтены за 110-й ОККД.

Во-вторых, огромное количество раненых, особенно в Карповско-Ажиновском бою, вывезти было невозможно. Скорее всего, часть раненых 110-й ОККД, уже исключенных из списков соединения как «санитарные потери», попала в плен в период до 1 августа.

При отступлении 110-й ОККД, осуществленном в экстремальных условиях, сложилась неразбериха, в дивизию поступали противоречивые приказы. В результате этого 292-й кавполк (без 4-го эскадрона) под командованием С.И. Ориночко и 3 и 4-й эскадроны 311-го кавполка под командованием А.К. Темирова имели приказ отходить к Майкопу и не получили нового приказа об отходе на восток. Выполняя приказ, 3 августа группа Темирова (250–300 чел.) и 5 августа полк Ориночко (300 чел.) прибыли в Майкоп, где участвовали в его защите, и позже были включены в состав 5-го Донского и 4-го Кубанского гв. казачьих корпусов соответственно [В боях 1969: 92–93].

Кроме того, на завершающей стадии сражения из описания боев вдруг исчезло управление 311-го кавполка под командованием капитана М.П. Василенко и его 1-й эскадрон. Загадку его исчезновения удалось разгадать недавно, когда авторы прочитали письма бывшего начальника разведывательного отдела отдельного кавкорпуса А.И. Надточия (до этого являвшегося начальником штаба 292-го кавполка и пом. начальника оперативного отделения штаба 110-й ОККД). В них Надточий рассказывает, что в боях в Большой Мартыновке, где был разгромлен кавкорпус Б.А. Погребова, принимал участие и 311-й кавполк М.П. Василенко [НА КалмНЦ РАН. Письма Надточия]. Очевидно, что управление 311-го кавполка вместе с 1-м эскадронам, находившиеся на правом фланге, были отрезаны 25 июля немецкими танками и отступили на соединение с кавкорпусом, в состав которого ранее входила 110-я ОККД.

Основное ядро 110-й ОККД после новых боев на Маныче отходило в арьергарде 37-й армии на восток, а затем в районе Башанты повернуло на юг, к Ворошиловску (Ставрополю) и Моздоку [В годы 2003: 131–135]. В конце июля, выехав на доклад с небольшой группой офицеров в штаб 37-й армии, начдив В.П. Панин отстал от дивизии и вернулся в нее с группой бойцов, собранных при отходе, уже на Кавказе. Кроме того, от 110-й ОККД по разного рода обстоятельствам отделились усиленный эскадрон 292-го кавполка младшего лейтенанта Б.Ц. Арбакова (оставленный в прикрытии на Маныче, понесший потери, а затем через территорию Калмыкии вышедший в распоряжение сил только что сформированной 28-й армии), группа батальонного комиссара И.И. Белкина (состоящая из части штаба, артпарка, продтранспорта, военной прокуратуры, военного трибунала, особого отдела, подразделений 311-го кавполка, через прикумские степи вышла в район Кучергановки, где также была подчинена 28-й армии), группа старшего политрука Д.И. Евграшева (оставленное в прикрытии у Ворошиловска после выполнения задания вошла в состав другого соединения). Во время отхода основное ядро 110-й ОККД, которое возглавил В.А. Хомутников, было усилено примерно тремя сотнями бойцов из 15-го запасного кавполка, среди которых числилось большое количество бывших воинов 111-й ОККД.

По данным на 8 сентября 1942 г. в составе основного ядра 110-й ОККД, которое после выхода на Кавказ провело ряд боев, в том числе на территории Калмыкии с 16-й моторизованной дивизией, и понесло определенные потери, числилось 1254 чел. [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 1. Л. 16]. В составе других групп, отделившихся от соединения, находились: в группе Белкина – около 500 чел., в эскадроне Арбакова – 60 чел. [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 2. Л. 9], в полку Ориночко – 300 чел., в группе Темирова – 250–300 чел., в группе Евграшева – 300 чел. Остается неизвестной численность эскадрона 311-го полка, погибшего у Большой Мартыновки, но вряд ли она превышала 150 чел. Есть свидетельства об участии небольших групп и отдельных бойцов дивизии в обороне Элисты, в составе 51 и 28-й армий Юго-Восточного фронта. В состав 110-й ОККД вернулась только группа Белкина.

В общей сложности численность основного ядра и отдельных групп с учетом потерь после боев на Дону и пополнения из 15-го запасного кавполка составляет примерно 2,8–2,9 тыс. чел. Количество одиночных бойцов, которые гипотетически могли вернуться домой и имели теоретическую возможность для создания пресловутых банд и эскадронов для фашистского легиона, составляет по максимальной оценке одну–две сотни человек. Конечно, одиночные бойцы, «безлошадные» и отставшие от части, решившие после этого вернуться домой, были.

Например, вот судьба одного из них (его фамилию родственники просили не называть). Когда он вернулся домой, то оказалось, что родное село оккупировано немцами. «Окруженец» пережил дома четыре месяца оккупации, а после освобождения села явился в военкомат, но был арестован как дезертир. В ходе отправки в Астрахань сумел выпрыгнуть из грузовика и сбежал. «В камышах» собрал банду дезертиров. Работники НКВД уговорили их сдать в обмен на прощение при условии отсутствия тяжких преступлений, на что те без особых раздумий согласились. Всех «легализованных» вернули домой. В октябре 1943 г., во время очередного призыва бывший «окруженец» снова явился в военкомат, но не был принят по «политико-моральным соображениям». В декабре 1943 г. во время высылки калмыков он был арестован повторно и приговорен к расстрелу. Как видно, он не служил немцам и всеми силами пытался вернуться в Красную армию, но обстоятельства сложились против него. Были и другие примеры. Например, Б.М. Мангаев вернулся в родное село, не подвергшееся оккупации, после отдыха явился в военкомат и получил назначение в 3-й гв. кавкорпус, с которым провоевал до Дня Победы и был награжден орденом Славы 3-й степ. и медалью «За отвагу» [Очиров 2016: 225]. Этот пример отнюдь не единичный.

Таким образом, очевидно, что утверждения о дезертирстве всей 110-й ОККД или большей ее части совершенно не соответствуют действительности и должны быть опровергнуты как лживый исторический миф.

Источники:

National Archives and Records Administration (NARA).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. М.: Объединенная редакция МВД, 2008. 369 с.

Постановление ГКО-894сс от 13 ноября 1941 г. «О формировании национальных войсковых соединений». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0894.html>.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Литература:

Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. М.: Эксмо, Яуза, 206. 896 с.

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Заярный С.А. Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24–46.

Заярный С.А. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (От «Блау» до «Эдельвейса») (рукопись). URL: <http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda>.

Очиров У.Б. База данных калмыков – кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // *Русская старина*. 2016. № 3 (19). С. 218-239.

Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 96 с.

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.